

ЧАСТЬ I. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

ПРАВЛЕНИЕ БРЕЖНЕВА

Если бы сбывались непрекращающиеся пророчества западных корреспондентов о смертельных болезнях Леонида Ильича Брежнева, то ему пришлось бы умереть за последние пять лет, по крайней мере, раз пять. Сверхчувствительный в подобных случаях Кремль, однако, не стал обвинять кого-либо из западных „пророков” в распространении „клеветнических измышлений” насчет здоровья своего вождя. Совершенно наоборот. Измышления по поводу плохого здоровья генсека поставляли Западу сами чекисты, а Брежнев, посещая Запад (Хельсинки, Париж, Бонн), вел себя так, чтобы западные политики и всерьез поверили, будто они имеют дело с главой государства, которому не суждено долго жить. Классическая дипломатия додумалась до сих пор только до игры в „дипломатическую болезнь”, но Кремль доказал, что можно играть с пользой для дела и в „дипломатического смертника”. Конечно, это делается с преднамеренным расчетом: поспешите заключить договор с умирающим „голубем” Кремля, ибо завтра его гнездо может занять свирепый „ястреб”! В разгаре этого спектакля родилось совещание в Хельсинки, давшее Москве все, чего она добивалась, а Западу — ничего. Более того — Кремль превратил Хельсинки в ловушку для интеллектуальной оппозиции в СССР, сажая в концлагеря или выдворяя из страны ее деятелей только за то,

что они требовали выполнения Хельсинкских соглашений о правах человека.

Подвел Брежнев „пророков” и внутри страны. Не только его соперники, но и рядовые мыслящие граждане считали режим Брежнева недолговечным, „переходным”, но не из-за его здоровья, а из-за его „серости”, „посредственности”. Однако то, что считали недостатком Брежнева — „серость”, — обернулось его достоинством. Возглавлять коллективную диктатуру может только серая личность. Именно такими считали и Сталина, и Хрущева, когда их назначали, и они подвели. Брежнев вот уже 15 лет не подводит. Главное в политическом долголетии режима Брежнева, конечно, в другом. Он основательно изучил достижения Сталина как мастера власти и уроки поражения Хрущева как „волютариста”. Когда в октябре 1964 года заговорщики свергли Хрущева, главное обвинение против него гласило: „субъективизм” и „волютаризм”. Если перевести этот жаргон партийной философии на язык партийной политики, то Хрущева обвинили в том, что он, в нарушение „ленинских норм коллегиальности руководства”, принимал решения единолично и что эти решения опирались не на объективный анализ действительности, а на волевые импульсы самого Хрущева. Поэтому многие его решения по вопросам внутренней политики оказывались порочными, противопоставленными или даже жизнеопасными для существования созданной Сталиным системы правления (разоблачение Сталина, „децентрализация” управления промышленностью, реорганизация структуры партии, введение принципа периодической смены членов руководящих партийных органов вплоть до Политбюро и т. д.). Нет сомнения, что критиковали

Хрущева и по вопросам внешней политики. Здесь тоже многие решения Хрущева считались рискованными, даже авантюрными, потому что они не были обдуманными и материально подготовленными (Берлинский ультиматум, Кубинская авантюра с ракетами, срыв встречи „четырех великих” в Париже и т.д.). Вероятно, Хрущеву приписывали и обострение отношений с Китаем, о чем свидетельствует начавшийся сразу же после свержения Хрущева диалог с Китаем (встреча между главами правительств СССР и Китая). Надо признать, что с точки зрения коренных интересов режима внутри страны и тактико-стратегических задач политики глобальной экспансии вовне, — заговорщики против Хрущева были совершенно правы. Главный вывод Кремля после свержения Хрущева был сформулирован в тезисе — отныне вся внутренняя и внешняя политика партии должна строиться на началах строго научного подхода, на научном методе анализа положения вещей. Рациональное зерно этого тезиса, если даже считать апелляцию к науке — данью времени, состояло в том, что любое решение на высшем уровне может быть принято только тогда, когда подготовлены политические, психологические и, главное, материальные предпосылки для его успешного осуществления. Не менее здравой была и апелляция к истории: советская система правления, созданная Лениным и усовершенствованная Сталиным, оказалась из всех существовавших доселе тиранических систем самой идеальной системой *покорения человека государством, государства — партией, партии — ее аппаратом*. Потому эта система выдержала и выдержит любые внешние политические испытания, но она уже погибла в потенции, если подвергать сомнению правомер-

ность ее исторических преступлений и целесообразность ее устоявшейся внутренней структуры. Перманентные эксперименты Хрущева (от разоблачения Сталина до бесконечных „организаций” и „реорганизаций”) как раз и грозили полнейшей дезорганизацией всей системы. Эра Хрущева создала в стране новую атмосферу, когда советский человек начал высвобождаться из-под государственного рабства, а само государство – из-под всеохватывающих когтей партии. Разумеется, это не входило в намерения Хрущева, но это было объективным следствием его политики десталинизации. Этого нельзя было допустить. В конце такого процесса выиграли бы государство и человек, но проиграли бы партия и партаппаратчики. Ученики Хрущева из Политбюро, наделенные природой самой системы высокоразвитым инстинктом самосохранения, угадали в своем новом учителе собственного гробовщика. В этом и была самая глубокая причина расправы с ним. Весьма трезвые выводы сделал из опыта правления Хрущева лично для себя и сам Брежнев, занявший его пост. „Кадровая политика” Хрущева – собственно, самая главная политика большевизма – тоже оказалась для него катастрофической. Принципиально правительственную в основе своей политику замены старых консервативных кадров новыми, молодыми кадрами Хрущев вел неразборчиво, наспех и, главное, непоследовательно.

Уже во время ликвидации „антипартийной группы” Молотова, Маленкова, Кагановича Хрущев допустил роковую при данной системе ошибку, которая предрешила, в конечном счете, его собственную гибель: он оставил на свободе участников этого первого заговора против себя. Если бы он уничтожил

участников июньского заговора 1957 года, то октябрьский заговор 1964 года вообще не состоялся бы. Октябрьские заговорщики точно знали, что в случае неуспеха их ждет не пуля, а пенсия.

Другая его роковая ошибка, тоже при данной системе, заключалась в том, что он, нарушив испытанный Сталиным порядок — контролировать и управлять партией, полицией и армией через свой закрытый „Внутренний кабинет” с „Особым сектором”, — никакой замены ему не создал. Хрущев был уверен, что он вполне может управлять партией и государством по „Уставу партии” — через Секретариат ЦК КПСС. Он думал, вероятно, что исторический опыт периода его правления говорит в его пользу, — ведь когда восстало Политбюро (Президиум) в 1957 году, его (Хрущева) спас Секретариат, но когда в октябре 1964 года восстал сам Секретариат, Хрущев погиб. Ничего подобного не могло бы случиться со Сталиным, при его „Внутреннем кабинете”. Ведь и заговор Берия и его сообщников против Сталина удался только после уничтожения ими „Внутреннего кабинета” руками самого же Сталина, как я это старался доказать в книге „Загадка смерти Сталина”^{*}.

Третьей роковой ошибкой Хрущева, которую можно считать ошибкой всех его ошибок, была уже его упомянутая „кадровая политика”. Знаменитый лозунг Сталина „кадры решают все” вовсе не был афоризмом, сказанным ради красного словца. В зародыше эту идею мы находим уже у Маркса в его утверждении: чтобы удержать захваченную власть,

^{*} А. Авторханов. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). „Посев”, Франкфурт-на-Майне, 1976.

коммунисты должны разбить всю старую буржуазную государственную машину и создать новую пролетарскую государственную машину со своими новыми кадрами. Как известно, совершив революцию в России, Ленин поступил именно так. То же самое по существу сделал и Сталин, когда он, тотально уничтожив партию Ленина, создал свою собственную партию исполнителей, преданных ему и за страх, и за совесть. Хрущев, дискредитировав имя Сталина и убрав нескольких его близких соратников, сохранил дело Сталина — вышколенную им десятилетиями партию двурушников. Правда, Хрущев чистил эту партию, но чистил так плохо, что только раздражал ее, не лишая возможностей организованного сопротивления; провоцировал ее, не ограждая себя от возможного бунта. Причем он вступил самым опрометчивым образом в конфликт сразу и почти одновременно со всеми господствующими группами в партии: с *чекистами*, которых начал тысячами переводить на пенсию; с *профессиональными партаппаратчиками*, для которых выдумал „принцип систематического обновления” в точно фиксированных нормах, узаконив его в уставе партии; с *генералами*, которых, сокращая армию, начал увольнять, назначая иных даже директорами совхозов; с высшей центральной *бюрократией*, которую решил „децентрализовать”, ссылая ее в далекие провинции.

У Сталина очередность и периодичность чисток были другие. Он очистил свою партию от старых кадров в три приема — в 1929, 1933, 1937-1938 годах. В результате от 3 555 338 коммунистов (в 1933 году) в партии осталось в 1938 году 1 920 002 коммуниста. Таким образом, 1 635 336 коммунистов оказались вычищенными из партии, что в тех усло-

виях означало автоматический арест („Партийная жизнь”, № 21, 1977, с. 21). (Пользуясь случаем, хочу исправить одну свою неточность. Я всегда пользовался цифрой в 1 220 000 вычищенных в период ежовщины коммунистов — ввиду отсутствия официальной статистики, эта цифра была выведена мною из разных партийных источников. Теперь выясняется, что репрессированных коммунистов было на 400 000 человек больше.)

Очередность чисток Сталиным была тщательно продумана: „Великая чистка” была проведена в следующей последовательности — с лета 1936 года по лето 1937-го партия чистила народ (массовые аресты в городах и селах, осуждения „Чрезвычайными тройками НКВД”); с лета 1937 года по осень 1938-го НКВД чистил партию и армию; с конца 1938 года до весны 1939-го НКВД Берия чистил сверху донизу НКВД Ежова. При этом, несмотря на то, что чистка руководящих кадров аппарата партии, полиции, армии и всех органов государственного и хозяйственного управления была тотальной, никакого кризиса власти не произошло. Резервные кадры, которых предусмотрительный Сталин заранее подготовил в лице бесчисленных брежневых и сусловых, тут же заняли освободившиеся места. О них-то Сталин и сказала на XVIII съезде партии (март 1939 г.), что „за отчетный период партия сумела выдвинуть на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 тысяч молодых большевиков” („Вопросы ленинизма”, стр. 597). Другими словами, Сталин создал совершенно новый аппарат власти, опирающийся на совершенно новую партию. Этим самым он обеспечил успех своей политики и безопасность своей личной диктатуры. Хрущев, ко-

торый учился лично у Сталина более двух десятков лет, совершенно не понял этой механики власти Сталина. А вот Брежнев, который учился ей на расстоянии, — отлично усвоил ее.

Брежневу, конечно, не нужно было чистить партию, она была и осталась сталинской, то есть партией брежневых, только ей надо было вернуть убитую Хрущевым веру в сталинскую машину властвования. Поэтому надо было прекратить критику не только „культа Сталина”, но и критику его ошибок. Так как гласная реабилитация Сталина была бы возможна только открытой отменой решений двух съездов партии (XX и XXII), в принятии которых руководящее участие принимали, кроме Хрущева, все члены нынешнего Политбюро, — а это, в свою очередь, вызвало бы новый переполох не только в стране, но и во всем мировом коммунистическом движении (демонстрируя одновременно беспринципность и самих новых руководителей), руководство Брежнева предпочло более безопасный выход: реабилитировать Сталина как выдающегося полководца было поручено советским военачальникам во главе с маршалом Жуковым; реабилитировать Сталина как вождя партии и ученика Ленина было поручено Институту марксизма-ленинизма при ЦК, в его исторических публикациях.

Первый официальный сигнал к этой волне „неокульта Сталина” был дан в докладе Брежнева в мае 1965 года к двадцатилетию окончания войны между Германией и СССР. После всего того, что партия и народ слышали за эти восемь лет, начиная с XX съезда (от Хрущева, Брежнева, Суслова, от тех же советских маршалов и генералов), — о грубейших ошибках Сталина накануне и во время войны, о гибели

целых армий и развале многих фронтов из-за дезертирства Сталина в первые дни войны или из-за его некомпетентного вмешательства в военные операции впоследствии, — величайшей сенсацией прозвучали слова Брежнева: мы выиграли войну под руководством И.В.Сталина! Вот после этого, как говорится, пошла писать губерния. ЦК партии — весьма трезвое учреждение. В его действиях не бывает ничего случайного или бесцельного. Чужды ему и любые упражнения в каких-либо теоретических или исторических благоглупостях. Выступление Брежнева, писания идеологов и мемуары маршалов в защиту „оклеветанного” Хрущевым Сталина были результатом того горького вывода, к которому пришел ЦК во время кампании против „культа личности”: противопоставление Сталина советской системе смерти подобно для самой системы. (Кстати, популярный в те годы народный выпад по адресу бездушных советских бюрократов: „Это вам не сталинское время!”, — считался комплиментом XX съезду, а сегодня за такой комплимент Брежнев сажает своих граждан в сумасшедшие дома.)

Реабилитация имени Сталина вовсе не преследовала цели восстановления исторической правды или даже восстановления справедливости по отношению к Сталину, — ее цель была практическая: реабилитировать Сталина, чтобы реабилитировать его систему правления. Это и есть та ресталинизация, которую провел и проводит Брежнев. Разумеется, классический сталинизм умер навсегда, но определенные его компоненты вечны, пока вечны тиранические режимы. Многими из этих компонентов пользуется режим Брежнева.

Центральным компонентом сталинизма как науки об управлении „коммунистическим” государст-

вом и его действительным вкладом в ленинизм была идея организации „Внутреннего кабинета”. Само по себе это название ничего не говорит. Такие кабинеты известны, под разными названиями, и на Западе. Да Сталин и не называл этот свой кабинет „внутренним” (в документах ЦК говорилось просто: „Секретариат тов. И.В.Сталина” и „Особый сектор”).

Все высшие легальные органы партии и государства — законодательные, исполнительные, судебные, контрольные — продолжали не только существовать, но и функционировать. Над этими органами стояли и ими управляли известные лидеры партии. Они подписывали все решения, они же их обнародовали, причем сам Сталин (который до мая 1941 года вообще официально не входил в правительство) редко выступал. Но решения, которые они принимали и подписывали, принадлежали не им. Не только члены ЦК, но и члены Политбюро узнавали о многих важнейших решениях ЦК от их имени из случайных бесед со Сталиным, с его техническими сотрудниками или даже из газет. Решения партии и законы государства, которые носили подписи их официальных органов, подготавливал вышеназванный „Внутренний кабинет” Сталина во главе с генералом А.Н.Поскребышевым, о чем я уже подробно говорил в другой книге*. Сам Поскребышев не был ни секретарем ЦК, ни членом или кандидатом в члены Политбюро, но перед ним дрожали такие члены Политбюро, как Молотов, Микоян, Ворошилов.

Уникальным изобретением Сталина был „Особый сектор” этого кабинета, который возглавлял тот же

* См. А. А в т о р х а н о в. Происхождение партократии. „Посев”, Франкфурт-на-Майне, 1973.

Поскребышев. „Особый сектор” был руководящим центром личной политической полиции Сталина, не только не зависящим от внешней службы государственной безопасности (МГБ, МВД), а наоборот, надзирающим над ней. „Особый сектор” руководил всей сетью служб безопасности Сталина, так же, как и всей сетью шпионажа за верхами партии, полиции, армии — для предупреждения потенциальных заговоров (словом „особое” Сталин любил прикрывать свои чекистские учреждения — „особые отделы” в армии, „Особое совещание” НКВД и т.д.). Восстанавливая „ленинские нормы партийного руководства”, Хрущев ликвидировал „Внутренний кабинет” и упразднил „Особый сектор”. Тем самым было восстановлено полномочие Политбюро в области большой политики и Секретариата ЦК — в области руководства текущей работой. Все свои решения Хрущев и проводил через эти органы, а его личная канцелярия сделалась совершенно обычным техническим аппаратом первого секретаря ЦК. Результатом возвращения к „ленинским нормам” было то, что личная канцелярия Хрущева в Москве и сам Хрущев в Сочи узнали последними, что в Москве победили заговорщики и Хрущев больше не первый секретарь.

Как мы увидим дальше, Брежнев учел и этот урок, который он сам же преподавал своему предшественнику. Сперва новый первый секретарь вел себя „тише воды, ниже травы”. Вместо официально-холодного обращения „товарищи” он, впервые ввел в обращение сердечно-слащавое „дорогие товарищи”; вместо безапелляционного тона Сталина или повелительной манеры Хрущева Брежнев сочинил для себя заискивающий стиль обращения к партии. В этом стиле он разговаривал еще на своем первом съезде (1966 г.). Вот типичный образчик его нового стиля

на этом съезде: „Хотелось бы посоветоваться, не стоит ли нам...” и т.д. („Материалы XXIII съезда КПСС”, (1966, стр. 53). Уверенный в себе вождь партии так не разговаривает. На этом же съезде, через полтора года после прихода к власти, Брежнев, подготавливая практически ресталинизацию, восстановил сначала внешние атрибуты сталинского здания власти. Ссылаясь на какие-то мифические письма коммунистов и на „ленинскую традицию”, Брежнев предложил переименовать Президиум ЦК в Политбюро ЦК, а выступивший за Брежневым оратор, по заданию сверху, предложил переименовать также должность первого секретаря ЦК в должность генерального секретаря ЦК. Народ и партия никогда не связывали название Политбюро с именем Ленина, а связывали с именем Сталина, — Ленин активно работал в Политбюро немногим больше трех лет (1919-1922), а Сталин — 33 года (1919-1952). Генеральным секретарем ЦК был только один Сталин — 30 лет: ни до него, ни после никто им не был — им стал теперь Брежнев. Чтобы понять и оценить глубоко символическое значение переименований, надо самому перенестись в психологический мир партаппаратчиков: в их представлении Политбюро — это ареопаг богов, а генеральный секретарь — бог богов! Что же касается первых секретарей, то их в партии — тысячи, а президиумов — десятки тысяч, начиная от сельсоветов и горсоветов и кончая всякими там верховными советами. Политбюро — одно, и генеральный секретарь — один (интересно, что Сталин никогда не подписывался как генеральный секретарь и не разрешал себя так называть. Титул *генеральный секретарь* упомянут в скобках, без прописной буквы, только один раз после фамилии Сталина в протоколе Организационного пленума ЦК при

перечислении членов Секретариата ЦК).

На XXIII съезде люди Брежнева добились, чтобы в уставе впервые было указано, что генеральный секретарь избирается пленумом ЦК отдельно, а это значит — снять его правомочен только пленум ЦК. Брежнев сделал это для того, чтобы с ним не поступили так же, как он сам поступил с Хрущевым, сняв его через Секретариат и Президиум ЦК и лишь постфактум оформив его снятие через пленум ЦК. На этом же съезде поспешно убрали прочь и тот дамоклов меч, который повесил Хрущев на XXII съезде над головой каждого партаппаратчика в виде параграфа в новом уставе об обязательной смене (от 25 до 50%) на очередных выборах членов руководящих партийных органов всех уровней вплоть до Президиума ЦК. Таким образом, был восстановлен и другой принцип сталинизма: партаппаратчик — не выборная должность, а пожизненная профессия, а псевдо-выборы на партконференциях и съездах — самая обыкновенная бутафория для игры во „внутрипартийную демократию”. Никому и в голову не приходило в те дни, что Брежнев метит в нового единоличного вождя партии. Все, что он до сих пор делал, занимаясь переименованиями и ликвидацией организационного хаоса, оставленного Хрущевым, казалось, делается в интересах всех. Сам Брежнев попал в генеральные секретари более или менее случайно: когда намеченный Хрущевым „кронпринц” Ф.Козлов заболел, Хрущев назначил Брежнева вторым секретарем ЦК, считая его своим личным другом и преданным учеником. Брежнев делал все, чтобы укрепить Хрущева в этом заблуждении. Вероятно, заблуждались и заговорщики, когда, выдвигая Брежнева на место Хрущева, думали, что имеют дело с человеком, претензии которого не идут дальше

того, чтобы быть послушным инструментом их коллективной воли в виде нового „коллективного руководства”. И здесь Брежнев делал все, чтобы укрепить их в этой вере, — вся партийная печать в первые годы его правления только тем и была озабочена, чтобы никогда больше не нарушались „ленинские принципы коллегиальности в руководстве” партией и государством (сегодня просто опасно упоминать о „коллективном руководстве”).

Однако Брежнев — как истинный сталинец — говорил одно, а думал другое. Совсем не нужно заглядывать в душу Брежнева, чтобы разгадать его тогдашние думы. Он думал о золотом правиле Сталина: до конца преданными тебе будут только люди, тобою выдвинутые, тебе обязанные и вместе с тобою обреченные на гибель, если тебя настигнет внезапная катастрофа. Но люди, вместе с ним участвовавшие в заговоре ничем не были обязаны Брежневу, а, наоборот, Брежнев был им обязан всем. Причем они на том же пленуме ЦК в октябре 1964 года (на котором оформили свержение Хрущева) ограничили его власть в специальном постановлении о том, что отныне первый секретарь ЦК не может быть председателем Совета Министров (а Сталин и Хрущев — были). Ко всему сказанному надо присовокупить и другое решающее обстоятельство: в Политбюро и Секретариате ЦК сидели люди, не уступающие ему по политическому калибру, а многие даже превосходили его по опыту, стажу и заслугам. Брежнев не мог не знать, что в этих условиях дорога в вожди партии лежит через постепенное выключение большинства этих людей из высших органов партии и выдвижение на их место своих людей. К этой цели он шел весьма осторожно, но неуклонно и методически, пользуясь всеми приемами богатой искусством

утонченнейших подвохов и интриг сталинской школы. Некоторые из них заслуживают упоминания. Так, чтобы дискредитировать главного претендента на свой пост — Шелепина, — Брежнев посылает его сначала в Западную Германию (имелось решение немецкого суда о его аресте, если он появится в Германии, за организацию, в качестве бывшего шефа КГБ, убийства лидеров украинского национального движения — Бандеры и проф. Ребета, но немцы намеренно игнорировали его появление), а потом в Лондон, заранее зная, что там украинцы собираются устроить демонстрацию против убийцы из Кремля, а многие из депутатов парламента открыто протестуют против допущения в Англию бывшего главы КГБ.

Скандал с Шелепиным удается словно по режиссуре Брежнева. Вернувшись домой, Шелепин узнает, что, если ему нельзя появляться за границей, он не может быть и председателем ВЦСПС с его широкими интернациональными связями, а стало быть — и членом Политбюро.

Другой пример совершенно очевидного подвоха. Члена Политбюро, первого заместителя председателя Совета Министров СССР, вероятного претендента на пост генсека — Полянского — освобождают от его безопасного поста и назначают министром сельского хозяйства СССР, чтобы он целиком посвятил себя „поднятию сельского хозяйства”. Однако самый последний колхозник знал, что советское сельское хозяйство, которое не могли поднять ни Сталин, ни Хрущев, ни Брежнев, не сможет поднять и Полянский. Вскоре Полянский проваливается. Его выводят из Политбюро и ссылают в дипломатическую ссылку в далекую Японию.

Третий пример. Первого секретаря ЦК Украины,

члена Политбюро, волевого и динамичного Шелеста обвиняют в сочувствии... „украинским националистами“, которых он нещадно репрессировал, — выкидывают из Политбюро и снимают со всех должностей.

Четвертый пример. Микояна, роль которого во время заговора против Хрущева была двусмысленной, снимают с поста председателя Президиума Верховного Совета и выводят из состава Политбюро „из-за преклонного возраста“, хотя он тогда, в 1965 году, был на десять лет моложе теперешнего члена Политбюро Пельше или на три года моложе нынешнего президента Брежнева.

Пятый пример — Воронов. Впрочем, он исчез из Политбюро так внезапно, что никто так и не знает, в чем его обвинили и куда он исчез, ибо официальная версия о переходе „на пенсию“ звучала просто смехотворно, ведь для лидеров партии никогда не существовал и не существует пенсионный возраст.

Классическим надо признать шестой пример. Тут подвох был рафинированным, а процедура снятия — издевательской. Штаб Брежнева затеял новую Конституцию, которая, как и ее сталинская предшественница, никому не нужна и ничего не стоит. Лишь после утверждения новой Конституции мы узнали, что она нужна была только одному Брежневу. Дело в том, что хитроумные услужливые теоретики внесли в новую Конституцию статью (ст. 6), на которую не отважился не только Ленин, но даже и сам Сталин. Статья гласит, что руководящей и направляющей силой советского государства является одна лишь коммунистическая партия Советского Союза. Отсюда штаб Брежнева сделал сам собой напрашивающийся вывод: раз это так, то во главе советского государства должен стоять генеральный секре-

тарь ЦК КПСС. Поэтому для Подгорного создали пост первого заместителя Председателя Верховного Совета СССР. Подгорный ударился в амбицию и от предложенного поста отказался. Тогда брежневцы его просто выкинули из Политбюро, без всякой ссылки в печати на его просьбу, здоровье или переход на пенсию. В коммюнике о решении пленума ЦК было сказано строго и односложно: Подгорный „освобожден” от обязанностей члена Политбюро. При этом взятие Брежневым на себя поста главы государства было нарушением вышеупомянутого (ничем не отмененного) решения октябрьского пленума ЦК (1964).

Седьмой и восьмой примеры относятся к области так называемых „тайн мадридского двора”, хотя мадридские хранители тайн, вероятно, были заурядными дилетантами по сравнению с кремлевскими конспираторами. Из Политбюро исчезли еще два человека, которые не числились в фаворитах Брежнева: Гречко и Кулаков. Первый был навязан Кремлю армией в качестве министра обороны после смерти маршала Малиновского. Партаппаратчики еще тогда хотели назначить на этот пост своего человека — Устинова, — но Генштаб и старые маршалы добились назначения маршала Гречко (пренебрежительное замечание Брежнева о Гречко в „Малой земле” показывает антипатию к нему генсека). Второй принадлежал к группе Суслова и считался претендентом на пост генсека. Так как оба они так же „внезапно” умерли, как „внезапно” умирали у Сталина члены Политбюро (Куйбышев, Орджоникидзе), то скептики вполне серьезно начали поговаривать, не сталинские ли „инфаркты” настигли покойников. Лондонский исследовательский бюллетень „Совет аналит” посвятил обстоятельствам смерти Кулакова

даже специальный комментарий. 13 июля 1978 года бюллетень писал, что у Кулакова хорошие шансы стать генеральным секретарем ЦК, а 17 июля Москва сообщила о его внезапной смерти от разрыва сердца. Это, конечно, говорит автор, не более как чистое совпадение, зато ему кажется странным, что о многочисленных прежних болезнях Кулакова страна узнает только после его смерти. Встает вопрос, почему такой больной человек выполнял столь тяжелую задачу, отвечая за сельское хозяйство в качестве секретаря ЦК или представляя Политбюро на съездах зарубежных компартий. Ссылаясь на подозрительно детальный отчет медицинской комиссии о смерти Кулакова, автор замечает: „Советской общественности, которая знает, что Сталина считали ответственным за убийство его возможного преемника Сергея Кирова, нужно было, по-видимому, рассказать в точных деталях от имени семи подобранных медицинских специалистов, что возможный наследник Брежнева Федор Кулаков умер естественной смертью. Как раз такие подчеркнутые уверения многие циники среди советского населения встречают с глубоким подозрением. Такое подозрение еще более усилилось, когда Брежнев, Косыгин и Суслов не соизволили присутствовать на похоронах Кулакова 19 июля” („Совет аналит”, т. 7, № 15, 27 июля 1978, Лондон). Бюллетень кончает свой анализ словами: „Вопрос, который задают себе сейчас в Кремле и вне него, гласит: за кем следующая очередь уйти?” Такие вопросы будут всегда задаваться, пока Кремль не установит принятый у цивилизованных народов порядок назначения и снятия своих правителей — порядок *гласности*. Однако недолго пришлось ожидать, пока мы узнали, „за кем следующая очередь”, — очередь оказалась за К.Т.Мазуро-

вым, которого освободили от обязанностей члена Политбюро якобы „по состоянию здоровья и в связи с его просьбой”. Он был самым молодым из старых членов Политбюро и постоянно участвовал на всех сборищах-встречах и государственных проводках делегатов совещания Варшавского пакта буквально за день до своего снятия. Но у него было три недостатка: относительно молод, относительно самостоятелен и своей карьерой обязан не Брежневу, а самому себе.

Таким образом, из 14 членов послехрущевского Политбюро до сих пор удержались на своих постах 5 человек, двое внезапно умерли, а семеро были исключены.

Точно так же поступил Брежнев и с Секретариатом ЦК, избранным на XXII съезде КПСС. В его состав, кроме Хрущева, входили первоначально: Козлов, Демичев, Ильичев, Куусинен, Пономарев, Спиридонов, Суслов, Шелепин. Все они, кроме Ильичева и больного Козлова, участвовали в заговоре против Хрущева. Тем не менее, четырех из них вывели оттуда (Ильичев, Спиридонов, Шелепин, Демичев), двое умерли (Куусинен и Козлов), двое сохранились до сих пор (Суслов и Пономарев). Впоследствии в Секретариат были введены восемь новых членов, из которых четверо стояли близко к Брежневу (Андропов, Устинов, Кириленко, Долгих) и четверо были людьми Суслова (Кулаков, Катушев, Соломенцев, Капитонов). Этот „баланс сил” оказался нарушенным в связи с назначением Андропова и Устинова на государственную работу с повышением (их сделали членами Политбюро), а Катушева, Демичева и Соломенцева назначили без такого повышения (лица, переведенные на государственную работу, автоматически выводятся из состава Секретариата ЦК). Соз-

давшимся положением Брежнев и его „Внутренний кабинет” воспользовались для радикального изменения самого состава Секретариата. Теперь Брежнев имеет большинство из собственных ставленников и в Секретариате. Туда входят сейчас, кроме него самого, пятеро брежневцев (Кириленко, Черненко, Долгих, Зимянин, Рябов) и двое сусловцев, не считая самого Суслова (Пономаренко, Капитонов). На ноябрьском пленуме ЦК (1978) в Секретариат ЦК избран вместо умершего Кулакова — М.С.Горбачев, вероятная кандидатура Суслова, зато членом Политбюро избран начальник „Личного кабинета” Брежнева К.У.Черненко, а кандидатами в члены Политбюро — два личных ставленника Брежнева: первый заместитель председателя Совета Министров Н.А.Тихонов и первый секретарь ЦК Грузии Э.А.Шеварднадзе. Таков итог „тихой чистки” Брежнева на верхах партии. Со своими отставными государственными деятелями Кремль, руководствуясь мелкой местью, поступает не только бесчеловечно, но и прямо-таки антигосударственно. На Западе отставных политиков используют для всяких чрезвычайных миссий в чужие страны, с ними советуются по тем или иным сложным вопросам, их включают в разные государственные комиссии, их величают почетным „elder Statesman” („государственный муж”), а советских активных деятелей ждет другая судьба. Когда корреспонденты спросили Громыко о судьбе некоторых бывших членов Политбюро, он ответил: знаете, наше Политбюро — то же, что и таинственный „Бермудский треугольник”: кого оттуда выкидывают, тот исчезает бесследно!

Параллельно, и на основе чистки Политбюро от личных врагов или претендентов на пост генсека, Брежнев совершает и *передвижку* власти внутри ру-

ководящих органов: от Политбюро к Секретариату ЦК, а потом от Секретариата ЦК к Секретариату генерального секретаря — точь-в-точь по рецептам Сталина. По всей вероятности, этот процесс еще не завершился, но у него уже есть зримые результаты: Брежнев признан единоличным лидером партии, стоящим не только над Секретариатом ЦК, но и над самим ЦК и его Политбюро. Такой степени власти Сталин достиг только после „Великой чистки“, а Хрущев так и не добрался до ее вершины, что доказывается и успешным заговором против него. Впрочем, сделаем оговорку: сталинская полнота власти еще не означает, что Брежнев может использовать эту власть, как Сталин, в целях личной диктатуры, ибо власть Брежнева основана на сговоре трех опор режима: партаппарата, политической полиции и армии. Представление, что в лагере этих трех сил („троевластие“) господствует полная гармония, культивируется только официальной пропагандой. На самом деле между ними идет борьба не только по ведомственной, но и общей линии: как оказать определяющее влияние на советскую внутреннюю и внешнюю политику. Сила Брежнева в том, что он все еще ловко лавирует между ними, стараясь овладеть ими как изнутри (назначая все новых и новых доверенных людей), так и путем усиления централизованного контроля над ними из своего личного штаба.

Теперь мы вплотную подошли к двум важнейшим вопросам: какова роль „Внутреннего кабинета“ Брежнева? Не намеревается ли Брежнев, отбросив роль „честного маклера“ в „треугольнике“ власти, стать единоличным диктатором в оставшийся еще период своего правления? „Личный кабинет“, или „Внутренний кабинет“ Брежнева уже давно стабилизировался. Как он называется во внутрипартий-

ных документах — „Секретариат тов. Л.И.Брежнева” (по примеру Сталина) или „Общий отдел ЦК” (как это было до него), — мы точно не знаем. Да это и неважно. Важна суть дела. Важно место „кабинета” в структуре партийно-государственной иерархии. Исключительно важны люди, которые входят в этот „кабинет”. Конечно, сухие, неполные биографические данные казенной печати мало что говорят о деловых качествах или психологическом облике этих людей. Самым важным лицом здесь, может быть, самым важным в ЦК после Брежнева, является человек, которого можно назвать Поскребышевым Брежнева, — Константин Устинович Черненко. Он начальник „кабинета” Брежнева. Он родился в 1911 году (значит, пятью годами моложе Брежнева), но в партию вступил в том же году, что и Брежнев, — в 1931-м. Это прожженный партаппаратчик сталинских времен. В начале сороковых годов он был секретарем Красноярского крайкома партии, потом — Пензенского обкома партии. В 1945 году окончил Высшую школу партийных организаторов при ЦК, а с 1948 года находился на работе в ЦК Молдавии, где с 1950 года работал вместе с Брежневым. В 1953 году он взял себе диплом подчиненного ему Кишиневского пединститута. В 1956 году Брежнев забрал его из ЦК Молдавии, сделав своим референтом в ЦК КПСС. С тех пор его карьера неразрывно связана с карьерой Брежнева. Когда в 1960 г. Брежнев был назначен председателем Президиума Верховного Совета СССР, он забрал его с собой. В 1965 году, вместо маленковско-хрущевского человека Малина, Брежнев назначает Черненко заведующим Общим отделом ЦК КПСС, а через год, на съезде, делает его кандидатом в члены ЦК.

В нормальное время Общий отдел — просто кан-

целярия ЦК. Через него поступают и через него уходят все документы — общие и секретные — в ЦК и из ЦК. Не завизированные этим отделом документы ЦК считались не официальными. Этот же отдел принимал и распределял внешние и внутренние документы любой степени секретности. Когда Сталин превратил свою личную канцелярию во „Внутренний кабинет” и создал при нем „Особый сектор” из бывшего „секретного подотдела” (который раньше входил в состав Общего отдела), Общий отдел действительно стал простой технической канцелярией ЦК. После смерти Сталина „Особый сектор” ликвидировали и, по всей вероятности, в составе Общего отдела был восстановлен его старый „секретный подотдел”. Вот этот Общий отдел, под руководством Черненко, и стал теперь частью „Внутреннего кабинета” Брежнева. Какое значение приобрел этот „кабинет” сейчас, можно судить из сравнения: начальник „кабинета” Сталина Поскребышев был только членом ЦК, а начальник „кабинета” Брежнева стал и секретарем ЦК КПСС, и членом Политбюро. Все члены „кабинета”, с официальными титулами „помощники генерального секретаря”, тоже сделаны, за одним исключением, членами ЦК, кандидатами в члены ЦК или членами Центральной ревизионной комиссии. Их имена мы часто встречаем в газетах.

После, так сказать, генерального помощника генерального секретаря — Черненко — второе место среди „помощников” генсека занимает Константин Викторович Русаков. Он родился в 1909 году, а в партию вступил только в 1943 году в возрасте 34 лет. Инженер по специальности. При Сталине был министром рыбной промышленности СССР. В 1953-54 гг. работал у Маленкова в аппарате Совета Министров СССР. Был послом. В аппарате ЦК с 1960

года. В 1972-1977 гг. носил титул помощника генерального секретаря, а с 1977 года имеет ранг секретаря ЦК КПСС.

Третий помощник генерального секретаря — Георгий Эммануилович Цуканов — родился в 1919 году, член партии с 1941 года. Инженер, кончил тот же Metallургический институт в Днепродзержинске, который ранее кончил Брежнев. С 1937 года работал на заводах Днепропетровска, где, вероятно, и познакомился с Брежневым. С 1958 года он работает в аппарате ЦК КПСС. В 1960 году вместе с Брежневым перешел в аппарат Президиума Верховного Совета СССР, и в 1963 г. вместе с ним опять вернулся в аппарат ЦК. Член ЦК.

Четвертый помощник генерального секретаря — Андрей Михайлович Александров-Агентов. Родился в 1918 году, член партии с 1948 года. С 1940 по 1961 год работал сначала в ТАСС, а потом в МИД СССР. С 1961 по 1963 год был у Брежнева старшим референтом в аппарате Президиума Верховного Совета СССР. Вместе с Брежневым перешел в 1963 году в аппарат ЦК. Кандидат в члены ЦК. Второй, после Черненко, „гуманитарий” среди помощников Брежнева: в 1940 году окончил Ленинградский государственный университет.

Пятый помощник генерального секретаря — Анатолий Иванович Блатов. Родился в 1914 году, член партии с 1940 года. В 1940 году окончил Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта, когда секретарем Днепропетровского обкома был Брежнев. В 1945 году окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1948 года — в аппарате ЦК КПСС. Член Центральной ревизионной комиссии.

Шестой помощник генерального секретаря — Вик-

тор Андреевич Голиков — член партии с 1939 года, делегат XXIV и XXV съездов КПСС.

Таковы биографические данные руководящих членов „кабинета” Брежнева. Из них видно, что этот „кабинет” так же стар, как старо само Политбюро. Средний возраст членов „кабинета” — почти 65 лет, а шефу кабинета — Черненко — 68 лет. У них нет будущности. Почти всем им грозит уход со сцены вместе с уходом Брежнева. Зато у них есть прошлое — опытейшие мастера власти, они явились вернейшей опорой Брежнева при захвате им своих нынешних позиций. Они уже организовали, на этот раз уже в собственных интересах, постепенную передвижку власти от аппарата ЦК к личному „кабинету” Брежнева. Чтобы такая передвижка не выглядела узурпацией функций ведущих отделов ЦК, как это было при Сталине, Брежнев ввел членов своего „кабинета” и в состав высших партийных органов (ЦК и ЦРК), а двое из них — даже секретари ЦК. Таким путем создавались легальные рамки, чтобы все принципиальные вопросы, подготовленные соответствующими отделами ЦК для решений Политбюро, не могли миновать предварительного одобрения „кабинета” Брежнева. Это прямо относится и к Секретариату ЦК, в компетенцию которого входит кадровая политика партии (назначение и снятие высших кадров партии и государства). Этой политикой в ЦК ведает сусловец Капитонов. Он также шеф ведущего отдела ЦК — отдела оргпартрabоты, который раньше назывался отделом кадров. Отдел оргпартрabоты сам непосредственно занимается подбором кадров партийных органов вплоть до обкомов партии. Назначение всех других кадров тоже происходит после одобрения этого отдела. Разумеется, для „кабинета” Брежнева исключительно важно было

установить непосредственный контроль в первую очередь над отделом оргпартрabоты, тем более, что начальник „кабинета” — Черненко — считается не только опытным практиком „кадровой политики”, но и признанным теоретиком „кадровой науки” коммунистов — „партийного строительства” (у Черненко есть ряд исследовательских трудов на эту тему). Чтобы поставить Черненко выше всех секретарей ЦК, не входящих в состав Политбюро, Брежнев сделал его кандидатом в члены Политбюро, минуя Капитонова, который во всех отношениях более заслуженный партаппаратчик, чем Черненко (Капитонов — член ЦК со времен Сталина, при Сталине же был секретарем Московского обкома партии, первым секретарем Московского горкома партии в 1952-1954 гг., первым секретарем Московского обкома, секретарь ЦК КПСС с 1965 г.). Как дисциплинированный партаппаратчик, Капитонов проглотил брежневскую пилюлю и стал подчиненным Черненко.

Руководствуясь хорошо проверенной доктриной Сталина об обновлении кадров через чистку, „кабинет” Брежнева провел радикальную чистку как в самом пленуме ЦК, так и на остальных уровнях партийной иерархии. Первые секретари партии в ее решающих звеньях, в областях и республиках, почти все были заменены новыми людьми, пропущенными через фильтр „Внутреннего кабинета”. Даже тот ЦК, который санкционировал переворот против Хрущева, подвергся большой чистке. Из 175 членов ЦК, избранных на XXII съезде, 82 человека оказались в опале (на „пенсии”, на низовой работе), 12 умерло. Это составляет в целом 50% состава ЦК. Все они заменены „своими людьми”. Поэтому неудиви-

тельно, что, знакомясь с биографиями новых „руководящих работников”, постоянно натыкаешься на людей, которые окружали Брежнева в Днепропетровской области (в народе уже говорят „днепропетровская мафия”), Молдавии, Казахстане, Москве. Это одна из причин, почему его выдвиженцы преимущественно старики, кроме, конечно, детей этих стариков (на многих ответственных должностях встречаешь молодых, чья главная заслуга — „знатное происхождение”: таков, например, сын самого Брежнева, назначенный заместителем министра внешней торговли СССР).

Даже при самом пристальном изучении хода и исхода брежневской „тихой чистки” невозможно найти для нее другого оправдания, кроме стремления к укреплению личной власти. Ни один из тех партийных деятелей, которых он один за другим выкидывал из высших органов партии, не создавал ни „оппозиции”, ни „антипартийной группы”, как это бывало при Сталине или при Хрущеве. Ни один не предлагал своей собственной альтернативы внутренней и внешней политике Брежнева. К тому же, сам Брежнев не собирался, как это доказано теперь, предпринимать какие-либо экономические реформы и государственных преобразования, которые делали бы необходимой чистку высшего штаба партии от потенциальных „саботажников”. Ничего подобного не произошло. С другой стороны, совершенно невероятно, чтобы Брежнев стремился к установлению личной диктатуры. Для этого у него нет ни волевых качеств „сильного человека”, ни динамизма молодости. Он хочет лишь удержать достигнутую позицию лояльного охранителя „баланса сил” „треугольника власти” — партии, полиции и армии. Для сохранения такого „баланса сил” нет другого сред-

ства, нежели испытанный метод очищения вершины власти от собственных конкурентов или потенциальных противников.

Из истории кровавых чисток Сталина и бескровного произвола Хрущева мы знаем, что генсек, который сумел подчинить партию, полицию и армию своей личной диктатуре, начинал чистить в первую очередь именно их. И это делалось не один или два раза, а систематически и методически. Сталин им сносил головы, а Хрущев просто изгонял с насиженных мест. В том и другом случае у партийной, полицейской и военной элиты не было никакой уверенности в завтрашнем дне. Вечный страх за неповинную голову, — таков был удел советской элиты. XX съезд и был мстью Сталину за этот страх взбунтовавшихся партийных рабов. Инициатор антисталинского бунта Хрущев постепенно начал забывать, что рабы взбунтовались вовсе не для замены одного работодателя другим, а для перехода *от режима личной диктатуры к диктатуре коллективной*, с гарантией безопасности для тех, кто составляет материальную базу такой диктатуры: партии, полиции, армии. Как раз на этой основе стабилизировался режим Брежнева. Брежнев и был выдвинут в ходе заговора этих трех сил против произвола Хрущева. Каждая из этих сил, считала Брежнева своим человеком: партаппаратчик в мирное время, политотдельщик в армии в военное время (область пограничная между партией и полицией), — Брежнев успешно работал с каждой из них. Он не без гордости подчеркивает в своих мемуарах, что, будучи первым секретарем Днепропетровского обкома, непосредственно руководил и чекистскими органами (см. Л.И. Б р е ж н е в. Возрождение. „Новый мир“, № 5, 1978). Комбинировать противоречивые, порою даже антагонистические ведомствен-

ные интересы партии, полиции и армии — искусство довольно высокого класса. Им Брежнев владеет до сих пор в совершенстве. Сила Брежнева в том и заключается, что умеет одинаково угодить им в одних случаях, лавировать между ними — в других. Бессилие его заключается в том, что не эти силы зависят от него, а он зависит от них, ибо он не их повелитель, а слуга. Он может навешивать на себя любые побрякушки и присваивать себе любые чины, но едва он вступит в конфликт с одним из „углов” „треугольника власти”, — он погиб. Эта стабилизация сопровождается интенсивной пропагандой (в печати, телевидении, кино, живописи) нового „культа Брежнева”. Делается это без малейшей претензии на оригинальность. Помощники Брежнева создают своему повелителю „культ личности” по тем же самым канонам, по которым брежневцы создавали его своим предшественникам. „Верный продолжатель дела Ленина”, „выдающийся революционер”, „глубокий теоретик” — все эти качества перешли от Сталина к Хрущеву, а теперь от Хрущева к Брежневу. Всякий критически мыслящий гражданин СССР знает, что Брежнев как революционер — фикция, как теоретик — нуль, как оратор — чтец чужих произведений, но зато как технолог власти — высокого класса. Вот о том, в чем он действительно велик, советская печать молчит.

Вне всякого сомнения, Брежнев — выдающийся мастер уникальной в истории партийно-полицейской машины: тоталитарной партократии. Иначе он не добрался бы до ее вершины, а добравшись, не удержался бы там. Однако партократия — не только полицейский, но и идеократический режим. Вождь такого режима должен быть одновременно и вероучителем. Это его привилегия и прерогатива. Он сам

определяет, что есть „марксизм-ленинизм” на сегодня, он откидывает его устаревшие положения, он один вносит в него новые „творческие вклады”. Он же дает и идеологическое обоснование текущей практической политики партии и государства. Поэтому „кабинет” Брежнева в последние 7-8 лет был занят самой интенсивной работой по созданию для генсека, выражаясь модным американским словом — „image” (образа) большого теоретика. Под общим руководством К.У.Черненко работают коллективы партийных литераторов по составлению и редактированию речей и докладов Брежнева: по международным вопросам (коллектив помощника генерального секретаря А.М.Александрова), по внутренним вопросам (коллектив помощника генерального секретаря Г.Э.Цуканова), по „партийному строительству” (коллектив сотрудника „кабинета” Брежнева В.Д.Ветрова). Брежнев едва успевает читать обильную литературную продукцию, которую они пишут от его имени, все новые и новые книги под его именем наводняют рынок партийной литературы. Одновременно выходят, дублируя друг друга, шеститомные собрания сочинений Брежнева (под руководством его помощника А.М.Александрова) и отдельно большая серия книг Брежнева по тематическому принципу. Эти же книги переводят на все языки народов СССР. Многие из них Москва переводит на западные языки, на языки народов третьего мира, а восточноевропейские страны их переводят сами в порядке „солидарности”. Провозглашая Брежнева „классиком” марксизма и „продолжателем дела Ленина” помощники генерального секретаря преследовали еще одну внутрипартийную цель: лишить Суслова его славы главного теоретика пар-

тии (см. об этом дальше — „Догматики и прагматики в Кремле”).

Хотя я и подчеркивал в самом начале свое скептическое отношение к гаданиям насчет состояния здоровья Брежнева, тем не менее сам факт приближающегося конца его правления следует уже из его возраста — ему столько лет, сколько было Сталину, — 73 года. Поэтому есть основание подвести вкратце основные итоги его деятельности в области внутренней и внешней политики. Когда политический деятель собирается стать у руля государственного корабля, у него, как правило, уже заранее складывается в голове определенная концепция, как и каким курсом он поведет этот корабль. Если даже он говорит, что будет идти тем же курсом, что и его предшественник, в мыслях он, вероятно, предполагает, что поведет его дальше и лучше. Сталин хотел стать „Лениным сегодня” и „догнать и перегнать Америку” — Ленина он превзошел, но Америки не догнал. Хрущев хотел десталинизировать систему и построить „в основном” коммунизм в СССР точно по расписанию — в 1980 году (см. „Программу КПСС”), но системы он не десталинизировал и о „коммунизме” в весьма близком 1980 году тоже ничего не слышно. Чего же хотел Брежнев? Уже в названии своего шеститомника он дал ответ: вести советский корабль „ленинским курсом”! Кто анализировал этот шеститомник и внимательно изучает брежневскую практику правления, тот знает, что для Брежнева „ленинский курс” означает: 1) во внутренней политике — „догнать и перегнать Америку” по производству оружия всех типов; 2) во внешней — исходя из успехов плана вооружения, вернуть советской внешней политике ее первоначальную ленинскую глобальность и революционный

динамизм (под девизом: „Оружие и инструкторы — наши, деньги и солдаты — ваши”).

Кто может оспаривать, что Советский Союз успешно осуществляет эту программу? По производству многих видов ракетного и термоядерного стратегического оружия СССР догнал Америку (что и было признано установлением стратегического паритета по „СОЛТ I”), по остальным видам термоядерного и ракетного оружия он ее догоняет, что будет закреплено в „СОЛТ II” (все это называется „ограничением стратегического вооружения”!). Что же касается производства обычных видов оружия, то здесь СССР идет впереди всех держав НАТО вместе взятых. *Впервые при Брежневе СССР стал и великой военно-морской державой.* Нет в мире морей и океанов, где не присутствует советский военный флот: на поверхности — для демонстрации собственной мощи, под водой — для разведки чужой мощи. Такой гигантский разворот в производстве оружия (военная индустрия — самая эффективная отрасль социалистической экономической системы) стал возможным за счет сокращения элементарных жизненных потребностей народов страны. Поэтому советский военный бюджет тоже давно „догнал и перегнал” Америку. По официальным данным американского правительства, в 1976 году на производство оружия было израсходовано во всем мире 398, 9 млрд. долларов. Между большими державами эта сумма в миллиардах долларов распределяется так:

1. СССР	—	127
2. США	—	91
3. Китай	—	34,4
4. ФРГ	—	18
5. Франция	—	14,2 („Зюддойче цайтунг”, 25.7.78).

Экспорт оружия:

1. США	— 5,2
2. СССР	— 3,7
3. Франция	— 0,84
4. ФРГ	— 0,656 (там же).

До революции Россия занимала второе место после Америки по экспорту хлеба на мировом рынке, сейчас она занимает второе место после Америки по экспорту оружия, но с большими шансами поменяться местами с Америкой (зато по импорту хлеба СССР занял первое место во всем мире).

Есть, однако, существенная разница между экспортом оружия капиталистами из Америки и экспортом оружия коммунистами из СССР. Капиталистов интересует доход, коммунистов — политика; Советский Союз вложил миллиарды для обеспечения победы вьетнамских коммунистов, а выиграл сомнительного союзника, которого надо кормить, да еще восстанавливать его экономику. Установление „марксистско-ленинского режима” в Эфиопии Москве стоило круглым счетом 3 млрд. долларов, а сколько ей стоило превращение бывших португальских колоний в марксистские государства — еще никто точно не подсчитал. На поставки одного только вооружения африканским странам Кремль затрачивает семь миллиардов долларов (см. заявление главнокомандующего войсками НАТО ген. А.Хейга — „Зюддойче цайтунг”, 2.12.78). Конечно, бывает и так: берут оружие, а потом „изменяют” (Индонезия, Египет, Судан, Сомали), но все-таки успехов больше, чем провалов. Не посылая ни одного советского солдата, сидя у себя в апартаментах в Кремле, Брежнев тем же советским оружием и инструкторами производит коммунистические перевороты в чужих странах (Афганистан, Южный Йемен). Если

нужно где-то организовать гражданскую войну для той же цели, Брежнев посылает туда свой „иностран- ный легион” из кубинцев. Содержание Кубы обхо- дится Москве в 6 млн. долларов ежедневно.

Вдвое перегнал Советский Союз Америку и по- росту доли военных расходов в общенациональном валовом продукте. В то время как США за период правления Брежнева снизили долю военных расхо- дов в национальном бюджете с 9,4% до 5,4%, Совет- ский Союз, наоборот, увеличил эту долю с 11% до 13% (некоторые эксперты называют даже цифру 15% и выше). (См. ст. Л.Лабедза в лондонском жур- нале „Энкаунтер”, сентябрь 1978 г.)

В отношении численности личного состава воору- женных сил за последние десять лет (к 1976 году) тоже произошли изменения в пользу СССР. Так, чис- ленность войск стран Атлантического пакта умень- шилась с 6,6 до 4,4 млн. человек, а количество войск стран Варшавского пакта, наоборот, увеличилось с 5,2 до 6 млн. человек („Зюддойче цайтунг”, там же). Таким образом, при Брежневе *советское полицей- ское государство впервые превратилось в советское военно-полицейское государство*. Вот почему опас- ность войны и военно-революционных авантур со стороны Москвы стала более реальной, чем при Ста- лине или Хрущеве. Но этому на Западе мало кто ве- рит. Американцы создали недавно „Комитет согла- сия между Востоком и Западом”, члены которого хотят убедить американскую общественность в об- ратном. Один из его ведущих членов, который еще недавно числился в советских справочниках „под- жигателем холодной войны”, бывший американ- ский посол в Москве Джордж Кеннан пишет: „Бреж- нев — человек мира”! Когда его начали критиковать за этот тезис ссылками на Чехословакию, Анголу,

Эфиопию, советские военно-воздушные и военно-морские акции в разных частях света, Кеннан ответил ссылкой на то, что он имеет в виду „очевидное нежелание Брежнева видеть Россию втянутой в большую войну с западными державами”, а не „проступки (misdeeds) Советов в других частях света” („Энкаунтер”, там же, стр. 36). Беда в том, что эти „проступки” как раз нацелены на те самые „слабые звенья цепи империализма”, с которых Ленин завещал начать завоевание мира.

Но что говорить о Кеннана, который прямо признает, что скорее готов стать „красным, чем мертвым” (профессор Ричард Пайпс ответил ему: „Я желаю оставаться свободным и живым”), если даже бывший министр иностранных дел Америки Генри Киссинджер не верит в существование каких-либо планов советского мирового господства. В этой связи я хочу привести здесь диалог между журналом „Шпигель” и Киссинджером:

„Шпигель”: „Что скрывается, по вашему мнению, за массированным русским вооружением?”

Киссинджер: „У Советского Союза как наследника русской истории, вероятно, обострено чувство того, что ему недостает безопасности. Это развивает любовь к оружию... Можно даже сказать, что коммунистическая система только в одной-единственной области оказалась успешней других — в накоплении оружия. Просто существует почти неуклонная тенденция продолжать делать то, что, нация может делать наилучшим образом” („Шпигель”, № 31, 31.7.1978).

Государственный деятель, который сочиняет такую оригинальную теорию о причинах роста советского вооружения, не верит, конечно, тем, кто доказывает, что Советы производят оружие для эффек-

тивной поддержки своей политики глобальной экспансии. Поэтому доктор Киссинджер, которого одни считают современным Клаузевицем, другие — Меттернихом, заявляет: „Как бы там ни было, я не верю, что существует точный план мирового господства”, однако, он достаточно осторожен, чтобы добавить: „Если я говорю, что у них нет точного плана, это еще не означает, что они не будут обладать властью, чтобы с выгодой для себя использовать те обстоятельства, которые неизбежно складываются в революционном мире” (там же, стр. 88).

Вот в этом неверии Запада, что Кремль готовит его историческое поражение, — тоже сила и преимущество Брежнева.

Однако оружие производят не только для того, чтобы из него стрелять или его выгодно продавать, — его производят еще и для того, чтобы угрожать. Чем сильнее оружие и решительнее угроза пустить его в ход, тем податливее намеченная жертва. Сталин захватил Литву, Латвию, Эстонию и Бессарабию без единого выстрела, но с угрозой сделать это в случае сопротивления. Гитлер тоже захватил Австрию и Судетскую область без единого выстрела, но с внушительной угрозой сделать это при необходимости. Брежнев оккупировал Чехословакию танками, которые не стреляли из-за того, что в них не стреляли. Он держит в повиновении восточноевропейские страны теми же танками, из которых открыто угрожает стрелять, если какая-либо из этих стран вздумает не повиноваться диктату Кремля (пресловутая „доктрина Брежнева” об „ограниченном суверенитете”).

Практически сегодня есть только два государства в мире, на которых угрозы Брежнева все еще не производят впечатления: США и Китай. Имеются и

противоположные примеры: Советы ушли из Иранского Азербайджана, сняли Берлинскую блокаду, увезли ракеты с Кубы, уступив американской угрозе. Да и мир в мире держится на угрозе, а не на липовых договорах.

Счастье Запада, что в Кремле сидит не Ленин или Сталин его лучших времен. Лишенные революционной фантазии Ленина, его тактико-стратегического размаха, не наделенные ни волевыми качествами Сталина, ни его гениальным криминальным искусством околпачивать даже самых прожженных западных политиков, — их ученики из Кремля, тем не менее, выучились у них двум вещам: искусству революционных диверсий и науке политического шантажа. Эти два качества пронизывают всю текущую международную политику Кремля. В совершенстве владея этими двумя качествами, даже „серый” Брежнев на целую голову превосходит своих партнеров на международной арене. Поскольку намечающееся превосходство советского военного арсенала разрешает ему проводить *политику угрозы на грани войны*, даже атомной (советская военная доктрина допускает выигрыш в атомной войне), то он оказывает решающее влияние на развитие всей мировой политики. Более того, поскольку после Вьетнама и Уотергейта Америка, видимо, на десятилетия исключилась из непосредственной военной конфронтации с коммунизмом в странах „третьего мира”, Брежнев и его военно-полицейская клика сами решают вопрос, где, когда и в какой форме они будут устанавливать промосковские коммунистические режимы.

Выше говорилось, что важнейшим условием стабилизации правления Брежнева явилось его умелое маневрирование между не всегда гармоничными си-

лами „треугольника” власти — между партаппаратом, политической полицией и армией. Это маневрирование не сводилось, однако, лишь к установлению „модуса вивенди” между ними. Брежнев предупреждал кризис как в их отношениях к высшему руководству, так и между собою тем, что систематически обновлял аппарат полиции и армии собственными кадрами — хотя не всегда молодыми, зато давно и лично им самим проверенными. В армии эта задача упростилась тем, что ведущие кадры (как и сам Генштаб) состояли из стариков, средний возраст которых составлял к приходу Брежнева 65-70 лет. Генералы вскоре оказались на пенсии, а маршалы — в „группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР” (вновь созданный институт для почетной отставки старых маршалов). Освобождающиеся таким безболезненным образом высшие командные должности Брежнев отдавал, по своему выбору, предпочтительней высококвалифицированным технократам, нежели небезопасным „Героям Советского Союза” (из строевой службы). Беспрецедентный случай в военной истории СССР: минуя десятки выдающихся полководцев Отечественной войны, министром обороны СССР был назначен партаппаратчик и инженер Устинов, а начальником Генерального штаба — военный инженер Огарков, оба затем произведенные в маршалы (впервые представители инженерных войск стали маршалами Советского Союза). Конечно, современная армия — армия машин и вычислительных машин, но командуют ведь не специалисты по упомянутым машинам, а специалисты вождения войск — командиры. Мотивы „технизации” высшего командного состава ясны — партаппаратчики, до смерти напуганные претензиями маршала Жукова, не хотят иметь во главе армии ко-

мандиров с независимым военно-политическим мышлением. Поэтому на место маршала Гречко назначают не другого маршала, а партаппаратчика, а начальником Генштаба (по снятии строевого офицера, маршала Кулакова) назначают офицера инженерных войск, который к тому же старше Кулакова на несколько лет. Эту же операцию „технизации” высшего командного состава тем легче проводят и по всем родам войск.

Разумеется, в центре внимания Брежнева постоянно находилась и находится сердцевина режима — политическая полиция. Он сам, как и другие областные партаппаратчики, всю жизнь дрожал перед нею. Он отлично знал, что его партийная карьера всегда зависела не от его докладов наверх по партийной линии, а от политических сводок в центр местных чекистов, негласно надзирающих над ним. Отлично знал он и другое: Сталина никогда не интересовала „учетная карточка” на партаппаратчика в ЦК, но всегда интересовало его „личное досье” в НКВД. Да, Брежнев боялся этого учреждения, боится он его и сейчас. Зато урок, которому выучился Сталин у Ленина, а Брежнев у Сталина, был сформулирован самим Лениным ясно и безапелляционно: „Без такого учреждения власть трудящихся (т.е. коммунистов. — А.А.) существовать не может” (Ленин, Соч., 3-е изд., т. XXVII, стр. 140). Однако, правильно поставив проблему, Ленин все-таки не сумел ее решить — он думал, что советская политическая полиция, хоть и очень важное, но все же только одно из ведомств советского государства (вроде юстиции, здравоохранения и т.д.). Поэтому в проекте по созданию из союзных республик общесоюзного государства — СССР — Ленин предлагал децентрализовать ГПУ, а

Сталин, наоборот, требовал, чтобы ГПУ союзных республик прямо и непосредственно подчинялись центральному ГПУ в Москве (см. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 211-212 и стр. 557). Главная идея Сталина: советское государство может существовать лишь как всеохватывающее и всепронизывающее *полицейское государство* или его вовсе не будет. Как известно, эту идею Сталин проводил последовательно на практике. Обычное представление, будто Сталин просто поставил политическую полицию над партией и государством, не совсем соответствует действительности. Ведь Сталин пошел дальше: его дьявольский гений уникального полицейского в том и заключается, что он *чекизировал* все и вся: государство, партию, общество, быт, мысль, чувство, воображение... Вот этот вездесущий бог и был низведен со своего пьедестала вместе со Сталиным на XX съезде партии. Последовала безнадёжная попытка превратить полицию в нормальное ведомство. Хрущев решил создать „коллективное руководство” политической полицией в виде Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. Раньше, при Сталине, Ежове, Берия, чекистские начальники на каждом уровне партийной иерархии входили в состав руководящих партийных органов (бюро райкома, горкома, обкома, крайкома, бюро ЦК республик и Политбюро ЦК КПСС), но теперь они были оттуда выставлены. На XXII съезде (1961) ни один чекист не был избран даже в члены ЦК. Намеченный на том же съезде председателем КГБ Семичастный был избран только кандидатом в члены ЦК. Это была самая низкая точка падения власти чекистов. Но Хрущев забыл, что его собственная власть основана на авторитете и крепости ведущей силы всей системы — чекистского корпуса. Чекисты это ему очень

скоро напомнили. В заговоре против Хрущева они приняли руководящее участие. Брежнев учел и этот урок. Выводы, которые он сделал из него, теперь ясны каждому: 1) реабилитация поруганного Хрущевым корпуса чекистов путем включения их руководителей в состав партийных бюро каждого уровня, вплоть до Политбюро; 2) восстановление гармонии между партийным и полицейским аппаратами путем включения в состав КГБ руководящих парт-аппаратчиков на каждом уровне; 3) установление личного контроля генсека над центральным аппаратом КГБ; 4) на основе всего этого — повышение роли и власти КГБ. Для осуществления такой программы секретарь ЦК КПСС Андропов и был назначен председателем КГБ. Он третий чекист после Ежова и Берия, который стал членом Политбюро. Уже одно это говорит о той высоте власти, которую достигли чекисты при Брежневе. Юридически новая власть чекистов была оформлена в указе Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1978 г. о переименовании „КГБ при Совете Министров СССР” в „КГБ СССР”. Это значит, что КГБ из подведомственного аппарату Совета Министров СССР органа, каким он был при Хрущеве, превратили теперь, при Брежневе, в независимый от правительственного аппарата общегосударственный орган, руководитель которого уже по закону входит в состав Совета Министров СССР (при старом статуте это было необязательно). Правда, по „Закону о Совете Министров СССР” от 5 июля 1978 г. приставка „при” отброшена и у ряда других государственных комитетов-ведомств, расширяя их власть. Комментируя новый закон, Косыгин так и говорил: „За последние годы права министерств и ведомств СССР были *расширены*” („Правда”, 6.7.78). Не требуется большой политической

фантазии, чтобы представить себе разницу между расширением прав Комитета по спорту при СМ СССР (которые не расширили) и расширением прав КГБ. Расширены права и функции КГБ в аппаратах учреждений, предприятий, общественных организаций. Расширены полномочия секретно-политических отделов (следовательская служба и сексотская сеть), оперативных отделов. Издан ряд секретных указов и инструкций, которыми легализуют беспрецедентную даже при Сталине *совершенно открытую слежку* за гражданами, публичные избиения вплоть до искалечения, а иногда и до смерти, преследуемых лиц наемными бандитами КГБ, которых в рапортах милиции называют „неизвестными хулиганами”. Если же кто-нибудь из таких „хулиганов” оказывается пойманным свидетелями и представленным властям, то его, конечно, освобождают. Десятки и сотни документов Самиздата рассказывают о такой массовой практике ведомства Андропова после расширения его прав. Андропов — парт-аппаратчик и выдвиженец Брежнева. Возвышая его, Брежнев возвышает одновременно и самого себя. Но Брежнев не может не знать, хотя бы на опыте Ежова или Берия, как трудно здесь скалькулировать элемент риска. Ведь КГБ, собственно, и есть единственная легальная власть, которая нелегально может организовать свержение самого генсека. Поэтому Брежнев поступает с Андроповым по испытанному принципу: „доверие — хорошо, контроль — лучше”. Контроль — это два человека из „днепропетровской мафии” и один человек из „молдавской мафии”, которыми Брежнев обложил Андропова. Одного из них Брежнев сделал первым заместителем председателя КГБ — это С.К.Цвигун (р. 1917), который работал у Брежнева в Молдавии замести-

телем министра госбезопасности; вторым заместителем председателя КГБ стал Г.К.Цинев (р. 1907) из „днепропетровской мафии“, который окончил металлургический институт и делал партийную карьеру в Днепропетровске при секретаре обкома Брежнев; третий — Н.А.Щелоков (р. 1910), который тоже кончил тот же днепропетровский институт и потом работал председателем Днепропетровского горсовета при Брежнев. Брежнев назначил его, в качестве министра внутренних дел СССР, командующим всеми внутренними полицейскими войсками. Так что, безопасность собственной власти от Андропова Брежнев застраховал довольно высоко.

Изумительную операцию произвел Брежнев и над Косыгиным. Он его попросту политически кастрировал. Уже упоминалось, что октябрьский пленум ЦК (1964) разделил власть Хрущева между Брежневым (партия) и Косыгиным (правительство) с тем, чтобы в будущем эти две должности не находились в одних руках. Мы видели также, как Брежнев обошел это решение, взяв на себя должность председателя Президиума Верховного Совета СССР. Предусмотрительный Брежнев составил новую Конституцию так, что забрал многие прерогативы исполнительной власти, которыми пользовалось правительство по старой, сталинской, Конституции, присвоив их законодательной власти — Президиуму Верховного Совета СССР. Но все-таки Верховный Совет может только законы издавать, а проводить их в жизнь должна исполнительная власть. Это как бы автоматически возвращало Косыгину власть как председателю Совета Министров, которую только что отнял у него Брежнев как глава законодательной власти. Чтобы это предупредить, в ст. 132 новой Конституции, было предусмотрено создание в составе Совета

Министров СССР „постоянного органа” в виде Президиума Совета Министров СССР, но без уточнения его взаимоотношений с председателем Совета Министров СССР. Только в ст. 136 была сделана оговорка, что компетенция вновь созданного органа будет определена будущим „Законом о Совете Министров СССР”. Когда такой закон приняли 5 июля 1978 г., выяснилось, что отныне в СССР руководит правительством не отдельная личность, а коллектив. В ст. 17 Закона об этом коллективе сказано: „Для решения вопросов, связанных с обеспечением руководства народным хозяйством, и других вопросов государственного управления в качестве постоянного органа действует Президиум Совета Министров СССР в составе Председателя Совета Министров, первых заместителей и заместителей”. Что тут речь идет о „коллективном председателе”, сказано в следующих двух статьях — в ст. 28 говорится, что Президиум решение принимает большинством голосов его членов, а в ст. 29 говорится, что председатель Совета Министров „обеспечивает *коллегиальность* в работе Совета Министров СССР”. Самая большая привилегия главы правительства, согласно той же статье, — председательствовать на заседаниях, координировать работу хозяйственных министерств и „принимать в неотложных случаях решения по отдельным вопросам государственного управления” („Правда”, 6.7.78). Эта последняя оговорка лучше всякого комментария демонстрирует, что официальный глава правительства существует сейчас в СССР только номинально. Председателем стал коллектив в лице Президиума Совета Министров СССР, в который входят по крайней мере четыре представителя „днепропетровской мафии” (Н.А.Тихонов, И.В.Архипов, И.Т.Новиков, В.Э.Дымшиц). Падение

Косыгина становится наглядным, если мы вспомним, что Алексей Николаевич Косыгин был членом ЦК (с 1939 г.), министром СССР (с 1939 г.), заместителем председателя правительства (с 1940 г.), заместителем Сталина (с 1941 г.), членом Политбюро (с 1948 г.), когда о существовании Брежнева знали только в его родном Днепрпетровске.

Кто же будет после Брежнева? Какую политику поведет молодое поколение большевиков? Ответы подсказывает сама же история партократии. После Брежнева будет другой Брежнев, а молодое поколение большевиков поведет ту же самую политику, что и их отцы, деды, прадеды. Строить себе какие-либо иллюзии на этот счет могут лишь прекраснодушные, но очень далекие от знания внутренних законов функционирования партийной машины власти люди. Многие из наблюдателей с приходом к власти „либерала” Брежнева связывали перспективу эволюции режима. Они забывали, что большевизм отличается от всех остальных социально-политических систем как раз тем, что он исторически выработал в самом себе *абсолютный иммунитет против любой эволюции*. Сила коммунистического режима не в его партийной и правительственной верхушке, а в его выдающейся иерархической структуре, опирающейся на гигантскую базу первичных ячеек власти. Вот это и есть то главное, что отличает советскую партократию от автократии или олигархии. Слабость обычного олигархического режима состоит в том, что он, лишенный такой структуры и массовой базы, опирается лишь на выдающиеся личности. Смерть ведущего олигарха или междоусобная борьба наверху за власть приводила при такой обычной олигархии большей частью к смене самого режима, как это было недавно в Испании и Порту-

галии. Ничего подобного не происходило при смене лидеров в Кремле или в итоге их междоусобной борьбы. Смена личностей, стоящих у власти в СССР, не приводит к смене коммунистического режима именно потому, что существование этого режима зависит не от одной личности, даже такой сильной, как Сталин, или от ряда выдающихся личностей, как при классической олигархии, а от беспрерывно функционирующей структурной системы и ее массовой базы. Здесь большевики достигли той степени быстроты и автоматизма безболезненной смены своих правителей, которая свойственна только абсолютным монархиям. Это совершенно не значит, что я стою на той точке зрения, что советская государственная машина — нечто вроде перпетуум-мобиле, — вывод, приписанный мне одним известным американским журналом, в весьма лестной в остальном рецензии на мою, вышедшую в США книгу „Communist Party apparatus” („Тайм”, 15.7.66).

Вывести из строя большевистскую машину власти возможно. Ее можно *сломать* (революция снизу), ее можно *упразднить* (переворот сверху), но ее нельзя либерализировать или демократизировать, это для нее смерти подобно. Конечно, старая, сталинская, партийная машина со временем подверглась известной деформации, покрылась ржавчиной, дает перебои, требует генеральной чистки и капитального ремонта, но как раз, когда Хрущев попытался сделать это, сама же машина его извергла, отбив охоту другим братья за ее ремонт.

Безупречная работа сталинской машины была основана на наличии следующих элементов: превентивный массовый террор как метод правления; принудительный труд миллионов как метод строительства „социализма”; „железный занавес” как метод

изоляции страны от разлагающего влияния внешнего мира. Этих элементов в их чистом сталинском виде уже нет. Потому машина и дает перебои. Изменилась и среда, в которой действует машина: впервые после нэпа потребитель становится разборчивым, его требования — настойчивыми, его недовольство — гласным. Из-за частичного приоткрытия „железного занавеса” советское общество становится информированным обо всем, нейтрализуя пропаганду партийных дезинформаторов о жизни трудящихся на Западе, о западных демократических учреждениях, гражданских правах, духовных свободах. Все это уже давит на машину и толкает советских мыслящих людей к выводу: дряхлой государственной машине СССР надо найти альтернативу. В поисках этой альтернативы разные представители интеллектуальной оппозиции дают разные ответы. Однако все они едины в одном: на смену советскому полицейскому государству должно прийти государство правовое.

Правовое государство с парламентской демократией — высшая ступень развития политической культуры современной социально благоустроенной нации. Для человека голодного, забитого и невежественного демократия — пустой звук, незатейливая игрушка, которую он легко уступит первому попавшемуся головорезу за одно только обещание накормить его досыта. Так поменял в 1917 году русский народ свою февральскую демократию на октябрьскую „диктатуру пролетариата”. Только безнадежные донкихоты западных правительств проповедуют сегодня демократию в джунглях Азии, Африки и Латинской Америки. Там еще долгое время будут царствовать диктаторы, способные кормить своих подвластных, если не хлебом, то обещанием давать

его. Этим, собственно, и объясняются успехи там коммунистов под разными националистическими кличками. Другое дело — современные индустриальные нации, к которым принадлежит и Советский Союз. Но именно СССР — единственное государство среди них, которым до сих пор управляют по законам джунглей, тем самым искусственно сдерживая развертывание научно-технической революции в стране. Вот это противоречие между интересами дальнейшего развития научно-технической революции и решимостью партаппаратчиков загнать весь этот процесс полностью под свой надзор уже сейчас грозит полной стагнацией техники, технологии и, стало быть, всей национальной экономики. В данной связи поставленный выше вопрос о возможных путях смены существующего режима приобретает еще иной аспект. Не исключена возможность, что более разумная, более дальновидная и менее догматическая часть советского правящего класса в интересах преодоления уже очевидного всем отставания страны от Запада в научно-технической революции, в интересах выхода из вечного кризиса недопроизводства сельскохозяйственной и потребительской продукции, сама поставит вопрос о смене всей этой обанкротившейся системы. Недавняя смена двух последних тоталитарных режимов в Западной Европе — в Испании и Португалии — произошла именно по инициативе и усилиями разумной части самих господствующих классов.

Оба варианта — мирная „военная революция” в Португалии, мирная „гражданская революция” в Испании — прямо указывают на относительную легкость и безболезненность перехода власти из рук господствующей клики в руки народа, если будут проявлены воля и решимость со стороны разумной

и подлинно патриотической части офицерского корпуса и самого политического руководства.

Конечно, Советский Союз — не Португалия и не Испания. Советские специфические условия могут породить и третий, „советский вариант”. Но в любом случае и при любом варианте есть одно кардинальное условие, без которого никогда никакая революция — мирная или насильственная — не происходила: наличие организованного давления народа на правительство для радикального улучшения своего материального и правового положения. И следует считать, что первое слово здесь принадлежит советскому пролетариату. Рабочее движение цивилизованных стран, в том числе и старой России, выработало самую действенную и самую демократическую форму массового сопротивления социальным несправедливостям и административному произволу частного или государственного работодателя — *право рабочих на забастовку*. КГБ и ЦК ничего так смертельно не боятся, как того, что советский пролетариат и колхозное крестьянство, организованные в свободные профсоюзы, начнут пользоваться этим своим естественным правом. Только систематическое использование этого права обеспечивает западным рабочим их высокий уровень жизни. Вот почему Кремль так быстро расправился с организаторами первого после революции свободного профсоюзного движения во главе с шахтером из Донбасса Владимиром Клебановым. Без всеобщего и организованного давления снизу на советское правительство не будет раскола в господствующем классе, что является предварительным условием кризиса всей системы. Без такого давления само правительство никогда не пойдет на ликвидацию укоренившихся в этой системе социальных зол. Советское правитель-

ство шло на уступки народу всегда лишь в результате *активного давления* народа. Когда советский рабочий поймет, что он живет втрое-вчетверо хуже, чем его коллега на Западе не только потому, что система порочна, но и потому, что он не пользуется, как западный рабочий, правом создавать не зависящие от партии и государства профсоюзы, заключать и расторгать трудовые договоры, объявлять экономические забастовки с целью улучшить свое положение, — тогда только советское правительство начнет уступать. Психологическим барьером здесь когда-то считалась культивированная режимом фикция: „У нас — государство рабочих, потому рабочие не бастуют против собственного государства”. Теперь уже сама Конституция Брежнева призналась, что советское государство — это коммунистическая партия, где капитал и власть слились воедино, сделав легендарного вампира-кровососца из „Капитала” Маркса чудовищной былью „развитого социализма” (увы, по рецептам того же Маркса).

Почему Брежнев может позволить себе, при общей бедности советского народа, гигантские расходы на гонку вооружений с целью обеспечения военного превосходства над США? Откуда у Брежнева берутся несметные суммы, чтобы перегружать космос спутниками? Где тот неисчерпаемый источник, из которого Брежнев финансирует и вооружает „советских братьев” в глубинах Азии, Африки и Латинской Америки?

Ответы на эти вопросы кристально ясны: весь капитал и все люди принадлежат в советском государстве самому этому государству. Оно же и определяет: что и сколько производить, кому и сколько за это платить. Поэтому абсолютно невозможное при „развитом капитализме” становится совершенно

нормальным при „развитом социализме”, а именно: финансирование государственных расходов путем узаконения такого стандарта жизни советских рабочих, который куда ниже стандарта жизни западных безработных.

Из многочисленных свидетельств „Рабочего Самиздата” приведем здесь самый последний документ — выдержки из письма одесского рабочего лидера американских профсоюзов:

„Добрый день, уважаемый господин Джордж Мини! Добрый день, наши братья по труду — американские рабочие! К Вам обращается рабочий из Украины, отец семи маленьких детей, борец за права рабочих — Леонид Михайлович Серый.

Разрешите охарактеризовать вкратце труд рабочих на нашем предприятии. Я работаю токарем в Ильичевском рыбном порту. Мы ремонтируем китобойные и рыболовные суда. Заработок мой составляет 180-200 рублей в месяц... Плохо налажена безопасность труда, много травм, часто из-за отсутствия многих защитных средств. Нам часто пересматривают нормирование труда так, чтобы меньше получать и больше трудиться. Каждый год происходит собрание и заключение нового коллективного договора, где преподносится собранию такой „договор”, где увеличивается план на несколько процентов, а заработок остается на месте...

Плохо налажено бытовое обслуживание рабочих. В большинстве рабочие идут на работу, не завтракая, и находятся в таком состоянии до обеда. Столовая очень далеко. В цехе нет питьевой воды. Обеды готовят плохо и дорого. По таким причинам у многих рабочих нет желания хорошо трудиться, а некоторые даже пьют водку на работе...

Рост цен в магазинах и на рынке, нехватка про-

дуктов питания и товаров широкого потребления. Многие рабочие, особенно многодетные, месяцами не видят мяса, молока, масла, даже борща, не говоря о фруктах, овощах и других калорийных продуктах. Плохо одеваются. Ведь любая вещь стоит если не всю зарплату, то половину ее (пальто, костюм, обувь и т.д.). Много людей нуждается также и в жилье. Есть люди, которые дожидаются квартир не по одному десятку лет. Люди живут, где могут, по чужим квартирам, по жалким лачугам (подвалы, чердаки и сараи-развалюхи), которые по Вашим стандартам и трущобой не назовешь. Многие семьи не выдерживают такой жизни и разваливаются. Начинают пить, чтобы не о чем было больше думать...

Одни надеются на справедливость и гуманность, другие пишут письма, не надеясь ни на что, а просто вскрывают все недостатки и даже „указывают” виновность нашего руководства, что довели страну до такой нищеты и несправедливости. (Хотя себя в этом они не забывают и не обижают, и имеют все, даже сверх, а нам — светлое будущее). Но на письма не отвечают, а некоторых за такие письма начинают преследовать административные органы, милиция, КГБ. Так было и есть со всеми, которые позволили себе критиковать нашу действительность. Так было и есть со мной: я писал много писем с критикой и предложениями во многие инстанции, и никто из них не считал нужным отвечать на мои письма.

Но я писал о плохих заработках, о высоких ценах, об отсутствии многих товаров, о воровстве, взятках. Писал о плохом медицинском обслуживании и плохом образовании. Писал о наших профсоюзах, которые уже давно не защищают наших рабочих. О преследовании отдельных людей и даже народов. А что люди за свои убеждения преследуют-

ся, я убеждался не раз и на своем примере. Меня возили неоднократно (6 раз) на допросы в КГБ и милицию. А 3 ноября 1977 года пригрозили мне письменно в КГБ, что будут судить меня, посадят на 7 лет в тюрьму и 5 лет ссылки...

Недавно группа рабочих во главе с Владимиром Клебановым решила создать такой профсоюз, который бы по-настоящему защищал бы права рабочих, но власти всячески мешают, а руководителей бросают за решетку. Вот такая наша правда. Голодает твоя семья, а ты молчи, заставляют работать бесплатно, а ты не ропщи, заставляют работать сверх нормы, а ты хвали, а иначе тебя посадят в тюрьму. Если нашей интеллигенции не дают свободы творчества, свободы мысли и слова, то нашим рабочим ко всему этому еще хуже — не дают свободы зарабатывать, покушать, отдохнуть, бастовать и объединяться в свои профсоюзы. Разве это не рабство?" („Русская мысль", 28.9.78).

Да, это рабство, которое было известно и на Западе, но только в эпоху раннего капитализма.

Обозревая эру Брежнева, будущие историки, вероятно, отметят следующие характерные черты: 1) в экономической жизни — *милитаризация*, 2) в политической жизни — *ресталинизация*, 3) в органах власти — снизу доверху — *коррупция, разложение, маразм*, 4) в социальной жизни — *рост дистанции между процветанием верхов и обнищанием низов*, 5) в духовной жизни интеллигенции — появление эпохального феномена — *свободомыслия*, названного внутри страны инакомыслием, а на Западе — „диссидентством", 6) в жизни национальностей — *растущее пробуждение национального самосознания окраинных народов*, стремящихся к выходу из советской колониальной империи. Вместо того, чтобы

использовать лояльную критику советских интеллектуалов („Меморандум” академика А.Д.Сахарова, „Письмо вождям Советского Союза” А.И.Солженицына), указывающих, что для предотвращения грядущей катастрофы надо окончательно порвать со сталинщиной, Брежнев стал на путь гальванизации сталинизма. Воистину, „рожденный ползать — летать не может”! И в то же время — какое бездонное честолюбие у этого случайного путешественника по гребням истории. Когда Брежнев нанес предательский удар в спину своему другу и покровителю Хрущеву, я сравнивал его с убийцей Цезаря — с Брутом, но со временем выяснилось, что советский Брут имеет нечто общее и с самим Цезарем. За такое сравнение меня могут заподозрить в покушении на историческое святотатство. Но Цезарь при всем своем полководческом и государственном гении все же не был лишен и чисто человеческого тщеславия. Поэтому он разрешил римскому Сенату присвоить себе титул пожизненного императора, единоличного диктатора, верховного цензора, оказывать себе всевозможные почести, дать право носить лавровый венок или одежду триумфатора, но так как всего этого ему казалось слишком мало, Сенат решил объявить его просто богом под именем Юпитер Юлиус, поставив статую этого бога в храме. Вот этому помпезному Цезарю, кажется, подражает Брежнев. Маршал Жуков, фактический Верховный Главнокомандующий в войне, имел 46 орденов, — у Брежнева, который вернулся с войны с несколькими орденами, но без ордена Ленина, вы можете насчитать на его маршальском мундире круглым счетом 60 орденов! Титулов у него тоже не меньше, чем у Цезаря — он генеральный секретарь ЦК, председатель Президиума Верховного Совета, председа-

тель Совета обороны, Верховный Главнокомандующий, Маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза, Герой социалистического труда... В Кремлевском храме его имя выгравировано навечно (?) рядом с именами Сталина и Жукова, как кавалера ордена „Победа”. Коммунистические страны Восточной Европы тоже наградили его своими высшими орденами. В его родном городе ему при жизни поставлен памятник. Как классик марксизма-ленинизма, он награжден Академией наук СССР золотой медалью Карла Маркса. Только в одном он отстает от Юлия Цезаря — его все еще не объявили богом.